

РУССКАЯ ИСТОРИЯ
для грамотнаго народа
и для начальныхъ училищъ

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ I

9

РОССІА И СЛАВАНСТВО.

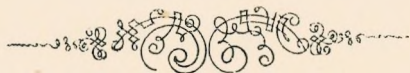
РОССІЯ И СЛАВЯНСТВО.

СОЧИНЕНІЕ

П. Щебальскаго.

Изданіе Варшавскаго Учебнаго Округа.

ВАРШАВА.

ПЕЧАТНЯ ВАРШАВСКАГО УЧЕБНАГО ОКРУГА.

Королевская улица № 11.

—
1878.

Дозволено Цензурою,
Варшава, 30 января (11 февраля) 1878 г.

РОССІЯ И СЛАВЯНСТВО.

Въ давнія времена, —слишкомъ за 1000 лѣтъ до нашего времени, — вся восточная половина Европы была заселена Славянами; славянскія поселенія доходили на югъ до оконечности Балканскаго полуострова и до Адриатическаго моря, а на западъ захватывали половину нынѣшней Германіи: рѣка Эльба, которая нѣкогда называлась Лабою, была славянскою рѣкой.

Древнѣйшее мѣстожителство Славянъ было по Дунаю; берега Дуная — коренная славянская земля. Отсюда разошлись Славяне и на югъ, —на Балканскій полуостровъ, —и на западъ, —къ Адриатическому морю, на Лабу и за Лабу, на Одеръ, на Вислу, на южный берегъ Балтійскаго моря (гдѣ нынѣ Пруссія), на Днѣпръ, на Оку, на Волгу и далѣе до отдаленнѣйшихъ окраинъ Россіи.

Это разселеніе Славянъ происходило, какъ сказано, весьма давно, — болѣе чѣмъ за 1000 лѣтъ до нашего времени и за нѣсколько сотъ лѣтъ до начала Русскаго государства. Славяне въ то время были еще язычниками; но Греки, господствовавшіе въ Константинополѣ и на всемъ Балканскомъ полуостровѣ, исповѣдывали уже христіанскую вѣру. Въ самомъ Константинополѣ или Царьградѣ съ первыхъ вѣковъ христіанства находился епископъ; тамъ имѣли свое мѣстопробываніе благочестивые цари (императоры) Греческіе. Имъ

въ началѣ подчинялись и задунайскіе Славяне. Изъ Константинополя пришло къ нимъ такъ же, какъ и къ намъ, Христово ученіе ¹⁾.

Славяне, поселившіеся на Балканскомъ полуостровѣ, сначала, какъ сказано, подчинялись Греческому императору, но впослѣдствіи они образовали два особыя славянскія государства, — Болгарское, примыкавшее къ Черному морю, и Сербское, примыкавшее къ Адриатическому морю. Къ несчастію и для Грековъ, и для Славянъ, всѣ три государства, находившіяся на Балканскомъ полуостровѣ, были въ постоянной между собою враждѣ.

Этимъ воспользовались Турки, азійскій народъ, и покорили одно за другимъ Болгарское и Сербское царства и Греческую имперію. Покоривъ эти государства и занявъ Константинополь (1453 г.), Турки утвердились на Балканскомъ полуостровѣ, осѣли тамъ и распространили власть свою за Дунай. Между прочимъ они подчинили себѣ Молдавію и Валаховъ (или Румуновъ), — племена хотя не славянскія, но исповѣдывавшія вѣру православную.

Турки были въ то время, когда они утвердились за Дунаемъ, такою-же дикою и нестройною азійскою ордой, какъ и Татары, покорившіе Россію²⁾. Они исповѣдывали законъ Магомета: признавали единого Бога, Создателя неба и земли, но Христа считали не Бого-человѣкомъ, а пророкомъ и при томъ меньшимъ, нежели Магометъ. Поэтому они презирали христіанъ почти столько-же, какъ и язычниковъ, и утвердившись на Балканскомъ полуостровѣ, начали силою и страхомъ смерти обращать христіанъ въ магометанство.

Нашимъ задунайскимъ единовѣрцамъ было слѣдовательно еще тяжелѣе, чѣмъ намъ во время татарскаго владычества. Послѣ Батыевыхъ нашествій Татары поселились не между нами, а особо, за Волгой; они не касались нашей вѣры.

¹⁾ См. *Начало Руси.*

²⁾ См. объ этомъ *Раздробленіе Руси.*

да не касались они и нашего управленія, а требовали только отъ насъ дани и признанія нашими князьями власти хановъ надъ собою. Турки-же расселились между христіанами Балканскаго полуострова, забрали себѣ лучшія земли, начали обращать церкви въ мечети и на каждомъ шагу, при каждой встрѣчѣ съ христіанами, оказывали имъ презрѣніе, оскорбляли, унижали и притѣсняли ихъ. У нихъ не было для христіанъ другого имени, какъ райя, то есть табуны; каждый христіанинъ былъ въ ихъ глазахъ гяуръ, то есть невѣрный; невѣрнаго-же, по ихъ закону, слѣдуетъ пригласить принять Магометово ученье, а въ случаѣ несогласія—убить.

Можно вообразить поэтому, каково было задунайскимъ христіанамъ житье между Турками! Ни жизнь ихъ, ни собственность не были ни на минуту безопасны: Турокъ могъ убить христіанина, отнять его лошадь, землю, домъ, даже жену или дочь. И все это дѣлалось безъ всякаго угрызенія совѣсти, потому что ограбить или убить христіанина не почиталось грѣхомъ, а взять въ наложницы жену его или дочь значило—сдѣлать ему большую честь.

Въ то время, когда Турки покорили Болгаръ и Сербовъ, мы въ Россіи мало знали этихъ нашихъ задунайскихъ братьевъ и мало кому сдѣлалось у насъ извѣстнымъ постигшее ихъ бѣдствіе. Но паденіе Константинополя было тяжкимъ ударомъ всему православному міру. Константинополь или Царьградъ было мѣсто священное для Россіи: тамъ крестилась благовѣрная княгиня Ольга¹⁾, оттуда прибыли въ Кіевъ, вельѣдъ за супругою Владиміра, іереи и законоучители, устроившіе нашу Церковь; оттуда первые наши князья-христіане выписывали мастеровъ и художниковъ, соорудившихъ первые наши храмы; тамъ жилъ одинъ изъ восточныхъ патріарховъ, къ коему наши митрополиты нерѣдко обращались за разъясненіемъ своихъ сомнѣній.

¹⁾ См. *Начало Руси.*

Поэтому, повторяемъ, занятіе Турками Константинополя было тяжелымъ ударомъ для Москвы и для всей Россіи. Но все въ мірѣ устраивается Божиимъ Промысломъ. Славянскія царства за Дунаемъ пали около того времени, когда Россія нанесла своимъ поработителямъ-Татарамъ первый ударъ на Куликовомъ полѣ, а паденіе Царьграда случилось не задолго до конечнаго освобожденія Россіи. Палъ Царьградъ, начала возвышаться Москва; рука азіятскихъ пришельцевъ отяготѣла надъ задунайскими христіанами, но за то другой христіанскій народъ на сѣверѣ въ тоже время сбрасывалъ съ себя иго другой азіятской орды. Греческій царь принужденъ былъ покинуть свой пресвѣтлый дворець, съ котораго сбросили съ поруганіемъ знамя съ чернымъ двуглавымъ орломъ, — гербомъ Греческой имперіи, но въ тоже время этотъ черный двуглавый орелъ гордо вознесся надъ кремлевскими палатами Русскаго государя; племянница послѣдняго Греческаго царя сдѣлалась супругой этого государя, а внукъ ея принялъ и царскій титулъ, утраченный ея родителемъ, да разумѣютъ языцы ¹⁾).

Не знаменіе-ли это небеснаго Промысла?

Но должно было пройти еще много лѣтъ прежде, чѣмъ исполниться этому божественному указанію.

Оставимъ пока южныхъ Славянъ и поговоримъ о Славянахъ западныхъ.

Они заняли, какъ выше сказано, земли отъ востока къ западу до Лабы или Эльбы и за этой рѣкою, а отъ юга къ сѣверу расселились они отъ Адриатическаго моря до Балтійскаго. И у нихъ, какъ у Дунайскихъ Славянъ, образовалось нѣсколько государствъ, но и эти государства, какъ Болгарское и Сербское, не дружно жили между собою. Поэтому были они покорены — одни Италіянцами, другія Нѣмцами.

¹⁾ См. о всемъ этомъ Москва и Собираніе Руси.

Мало того; Италіянцы, а особенно Нѣмцы, расселившись между покоренными Славянами, во многихъ мѣстахъ совершенно вытѣснили, истребили самый языкъ Славянъ, такъ что и слѣдовъ славянства не осталось. Проѣзжая по этимъ землямъ, — на примѣръ находящимся къ западу отъ Эльбы или прилегающимъ къ Балтійскому морю, — никто не догадается, что здѣсь жило славянское племя; ни одного славянскаго слова нельзя тамъ услышать; сельчане, горожане считаютъ себя Нѣмцами; только изъ книгъ узнаемъ мы, что Эльба называлась нѣкогда Лабою, что большой и совершенно нѣмецкій городъ Лейпцигъ назывался Липецкомъ и что въ Прусской области Помернъ жили Поморяне, то есть Поморскіе или Приморскіе Славяне.

Менѣ другихъ западныхъ Славянъ онѣмѣчились Чехи, живущіе въ гористой странѣ на востокъ отъ Эльбы, а также Моравы или Мораване, восточные сосѣди Чеховъ; не перестали быть Славянами Словенцы, Хорваты и Далматинцы, обитающіе къ сѣверу и востоку отъ Адриатическаго моря, но и у нихъ въ городахъ болѣе слышится нѣмецкій или италіянскій языкъ, чѣмъ славянскій, и всѣ эти славянскія племена, — Чехи, Мораване, Словенцы, Хорваты, Далматинцы, — не имѣютъ собственныхъ государей, но повинуются императору Австрійскому.

Справедливость требуетъ сказать, что всѣ эти западные Славяне не несли такой тяжелой доли, какъ Славяне задунайскіе; власти, которымъ они подчинялись и подчиняются, хотя и чужеземныя, но христіанскія, Славянамъ этимъ единовѣрныя, — католическія.

Что касается до отношеній ихъ къ Россіи, то можно сказать, что до недавняго времени ни Россія вовсе не знала этихъ Славянъ, ни они ея. О Сербахъ же и Болгарахъ, а также о Грекахъ и Румунахъ, хоть изрѣдка доходили къ намъ вѣсти чрезъ монаховъ, приходившихъ за милостыней для своихъ монастырей. Эти монахи разсказывали о притѣненіяхъ, переносимыхъ Балканскими христіанами, объ осквер-

неніи Турками православныхъ храмовъ, и эти разсказы, повторяемые иноками и въ царскихъ палатахъ, и въ хоромехъ вельможъ, и на постоянныхъ дворахъ, и въ избушкахъ крестьянъ, куда они заходили на ночлегъ, знакомили Русскій народъ съ его единовѣрными и единокровными задунайскими братьями. Но никакихъ разсказовъ не заходило къ намъ о Славянахъ западныхъ. Монахи тамошнихъ странъ, если и шли въ Россію, то развѣ для того, чтобъ обращать ее въ католичество. Но поэтому ихъ туда рѣдко допускали.

Единственная славянская страна, съ которою при царяхъ и даже еще при князьяхъ были у Россіи дѣла, это была Польша. Какія-же были эти дѣла?

Польша была искони сосѣдкою Россіи. Поэтому между ними были дѣла торговья и вообще такія, какія обыкновенно бываютъ между сосѣдями. Бывали и распри; но между сосѣдями безъ этого не обходится: поссорятся и помиряются. Иначе не могло, казалось-бы, и быть. Бѣлорусъ—родной братъ Мазура, своего сосѣда; по ту и по другую сторону Буга, въ Острогѣ, какъ и въ Холмѣ—тѣже Малороссы. Сначала Русскіе князья, а потомъ Польскіе короли властвовали по обѣ стороны Буга, въ Острогѣ и Владимірѣ, въ Холмѣ и Люблинѣ, а народъ, оставался какъ былъ изначала, Русскимъ и исповѣдовалъ православную, природную свою вѣру.

Но около того времени, когда за Дунаемъ пали славянскія государства, а на Куликовомъ полѣ нанесенъ былъ Русскими первый ударъ Татарамъ, во владѣніяхъ Польскихъ королей Русскій народъ подвергся притѣсненіямъ за свою вѣру ¹⁾. Причиной этого была излишняя ревность католическаго духовенства. Утвердивъ римское ученіе въ Италіи, Испаніи, Франціи, Англии, Германіи, Швеціи и Польшѣ, оно желало распространить оное и на Россію ²⁾; а такъ какъ ка-

¹⁾ См. *Раздробленіе Руси*.

²⁾ Вносѣдствіи Англичане, Шведы, Датчане и часть Германцевъ (Нѣмцевъ) и Французовъ отстали отъ Римской церкви и приняли ученіе разныхъ нововводителей.

толическихъ проповѣдниковъ не пускали въ Россію, то Папы задумали ввести тамъ свое ученіе силою. Съ этой цѣлію они направляли на насъ Шведовъ и Ливонскихъ рыцарей¹⁾ и настроили противъ насъ польское шляхетство и Польскихъ королей. Отсюда и пошло то преслѣдованіе православныхъ въ русскихъ областяхъ Польскаго государства²⁾, та поддержка нашихъ самозванцевъ³⁾, учрежденіе Уніи и тѣ страшныя казацкія войны³⁾, о которыхъ было рассказано въ своемъ мѣстѣ.

Чѣмъ-же однако все это кончилось? Тѣмъ, что часть русскихъ областей Польскаго королевства отдѣлилась отъ этого королевства и приняла подданство царя Алексѣя Михайловича³⁾.

Но это еще не все. Не задолго до того времени, когда со смертью царя Федора прекратился на Московскомъ престолѣ родъ Рюрика, прекратился и родъ Польскихъ королей. Въ Россіи, какъ скоро прошло тяжелое время самозванцевъ, избранъ былъ всей землею, всѣмъ народомъ царь³⁾, близкій по крови къ древнему царскому роду, а этому царю наследовалъ его сынъ, такъ что въ Россіи верховная власть осталась такою-же крѣпкою, какъ была при Иванѣ III и Иванѣ IV-мъ. Совершенно иначе поступлено было въ Польшѣ. Когда тамъ пришлось избирать короля, паны и шляхетство, которымъ однимъ, а не всему народу, предоставлено было избраніе короля, прежде всего позаботились уменьшить его власть, чтобы добыть себѣ больше воли. Кромѣ того они рѣшили, что новый король не будетъ имѣть права назначать себѣ преемникомъ своего сына, но что каждый разъ по кончинѣ одного короля будетъ происходить новое избраніе. А такъ какъ при этомъ каждый разъ паны обрѣзывали королевскую власть, то скоро дошло до того, что въ Польшѣ

¹⁾ См. *Раздробленіе Руси.*

²⁾ См. *Унія и воссоединеніе Малороссіи.*

³⁾ См. объ этомъ *Смутное время.*

стали царствовать они, а не король. Такъ на примѣръ, когда Богданъ Хмельницкій пріѣхалъ къ королю съ жалобой за поджогъ, грабительство и убійство на одного польскаго пана, то король отвѣтилъ ему: „я ничего не могу для васъ сдѣлать; защищайте себя сами.“ Вотъ тогда-то и пошли въ ходъ казацкія сабли и начались опустошительныя войны.

Мало того: въ Польскіе короли избирались по большей части не Поляки а иностранцы, — мелкіе князьки германскіе и иные, или родственники сильныхъ европейскихъ государей. Но государь долженъ быть костью отъ костей своего народа, плотью отъ его плоти; къ государю - иноземцу народъ не можетъ имѣть довѣрія. Поэтому королевская власть въ Польшѣ все болѣе и болѣе ослабѣвала, а самоволіе пановъ все болѣе и болѣе усиливалось, такъ что наконецъ въ Польшѣ дошло до такихъ же усобицъ и постоянныхъ кровавыхъ неурядицъ, какія нѣкогда раздирали Россію и довели ее до татарскаго порабоженія.

И Польша подверглась порабоженію, только не татарскому. Шведскій король Карлъ XII¹⁾ покорилъ нѣкогда сильную и грозную Польшу, какъ какое нибудь ничтожное княжество, смѣнилъ короля, котораго она выбрала, и назначилъ другаго (точно будто это мелкіе чиновники, которыхъ губернаторъ назначаетъ). Петръ Великій послѣ побѣды надъ Карломъ XII смѣстилъ этого новаго короля и поставилъ опять прежняго, послѣ чего, разумѣется, онъ получилъ между Поляками гораздо больше значенія, чѣмъ поставленный имъ король. Такой-же перевѣсъ русскихъ государей надъ польскими продолжался и при преемникахъ Петра. Жители русскихъ областей, остававшихся еще за Польшей, стали обращаться къ нимъ за защитой противъ терпимыхъ ими притѣсненій и нашли дѣйствительно сильную заступницу въ Екатеринѣ II-й²⁾. Она отняла у Польши и возвратила Россіи

1) См. *Петръ Великій*.

2) См. *Екатерина Вторая*.

эти такъ долго томившіяся подъ чуждою властію русскія области. Но въ то же время другіе сосѣди Польши, Австрія и Пруссія, отняли у нея нѣсколько чисто - польскихъ областей. Нѣкогда обширное и знаменитое Польское королевство обратилось такимъ образомъ въ маленькое владѣніе. Императоръ Французовъ Наполеонъ I-й лѣтъ 70 тому назадъ отдалъ этотъ остатокъ Польши одному преданному ему нѣмецкому князьку, а Александръ I, побѣдивъ Наполеона, по желанію самихъ Поляковъ присоединилъ оный къ своей имперіи подъ именемъ царства Польскаго.

Теперь возвратимся къ нашимъ единовѣрцамъ и единоплеменникамъ южнымъ Славянамъ, Грекамъ и Молдаво-Валахамъ или Румунамъ.

Долго бѣдствовали они подъ игомъ Турокъ и долго Россія не въ состояніи была ничто сдѣлать для нихъ. Но въ это время Москва подчинила себѣ два магометанскія царства — Казанское и Астраханское ¹⁾, а православное казачество стало подвигаться по Дону и Днѣпру и къ третьему магометанскому царству Крымскому ²⁾, которое нерѣдко тревожило своими набѣгами. Ко времени царя Алексѣя и этотъ остатокъ грозной нѣкогда орды пересталъ быть намъ страшнымъ; надъ Польшею мы начали брать верхъ; въ государствѣ, долго смущаемомъ самозванцами, установился порядокъ.

Обо всемъ происходившемъ въ Россіи приходили вѣсти къ турецкимъ христіанамъ, — вѣсти радостныя для нихъ, потому что они надѣялись, что когда нибудь придетъ имъ помощь съ сѣвера. Иноки, приходившіе въ Россію изъ Царьграда, изъ Аѳонскаго монастыря, — святыни, высоко чтимой во всемъ православномъ мірѣ, — стали возвращаться съ богатыми приношеніями, со щедрыми вкладыми для своихъ хра-

1) См. *Москва и Собрание Руси.*

2) См. *Унія и возсоединеніе Малороссіи*, а также *Москва* и проч.

мовъ и монастырей и приносить съ собою рассказы объ обширности Русскаго царства, о великолѣпнн царскихъ палатъ, о набожности Русскаго народа и о томъ, что этотъ народъ питаетъ сердечное участіе къ своимъ далекимъ, страждущимъ братьямъ. О Россіи заговорили въ болгарскихъ и сербскихъ селеніяхъ; заговорили о ней ближайшіе наши сосѣди — Румыны; заговорили Греки, живущіе на самомъ дальнемъ краю Балканскаго полуострова, заговорили храбрые Черногорцы, — горсть никогда не покорявшихся Туркамъ славянскихъ героевъ, обитающихъ, какъ орлы, на своихъ неприступныхъ горахъ, вблизи Адриатическаго моря. Между всѣми этими племенами и народами сложилось повѣрье, что Бѣлый Царь вступить современемъ въ древній Царь-градъ, и что по его повелѣнію снова раздастся православный благовѣстъ съ колокольні Св. Софіи ¹⁾ на радость и утѣшеніе всему крещеному міру.

За то, когда Петръ Великій двинулъ свои полки противъ Турокъ, задунайскіе христіане, особенно Славяне, точно отъ сна пробудились ²⁾; удалые Черногорцы взяли за оружіе; Румыны, когда онъ вступилъ въ ихъ землю, встрѣтили его какъ избавителя. Но походъ Петра противъ Турокъ былъ, какъ извѣстно, неудаченъ. Турецкіе Славяне, Румыны и Греки вздохнули, но продолжали ждать новаго пришествія Русскихъ, а кто не хотѣлъ ждать, тѣ начали переселяться въ Россію. Имъ отведены были обширныя и плодоносныя земли въ нынѣшнихъ Харьковской и Херсонской губерніяхъ.

Наступило славное царствованіе Екатерины II. Турки объявили ей войну, въ которой потерпѣли жестокое пораженіе на сушѣ и на морѣ ³⁾. Пользуясь этимъ, взяли за оружіе Греки. Но они заблаговременно къ этому не приго-

¹⁾ Знаменитый и древній храмъ, въ коемъ крестилась благовѣрная княгиня Ольга.

²⁾ См. объ этомъ *Петръ Великій*.

³⁾ См. *Екатерина Вторая*.

товились; они имѣли мало оружія, вожди ихъ были неискусны, а главное, они взялись за оружіе одни, не стговорившись со Славянами, которые, какъ уже сказано, составляютъ огромное большинство турецкихъ христіанъ. Возстаніе Грековъ не принесло успѣха. Но побѣды Русскихъ надъ Турками оживили турецкихъ христіанъ; русскіе военные корабли стали прогуливаться по Черному морю; на берегахъ этого моря, въ Крыму, загудѣли колокола православныхъ церквей. И этотъ священный благовѣстъ колоколовъ, и выстрѣлы съ этихъ кораблей какъ будто говорили: „вставайте, бѣдныя угнетенныя! вставайте,—близка рука, которая васъ поддержитъ!“

Въ первые годы царствованія Александра I-го поднялись противъ Турціи Сербы. Вождемъ ихъ былъ извѣстный въ свое время великанъ и удалецъ Кара (черный) Георгій (1804 г.). Возстаніе ихъ шло успѣшно, потому что около того-же времени началась и продолжалась нѣсколько лѣтъ война между Россіей и Турціей. Турки не могли слѣдовательно опрокинуться на Сербію всѣми своими силами. Между тѣмъ наступилъ 1812 годъ. Россія, ожидая нашествія Наполеона ¹⁾, заключила съ Турціей миръ. При этомъ она не забыла Сербіи и настояла, чтобъ ей было предоставлено управляться посредствомъ собственныхъ своихъ властей. Но султанъ этого не исполнилъ, а съ удвоенною жестокостью началъ управлять Сербами и прочими подвластными ему христіанами.

Это привело къ новому мятежу. Въ 1821 году на двухъ разныхъ концахъ Турецкой имперіи вспыхнуло возстаніе,—въ Румуніи и Греціи. Греки повели дѣло съ большою рѣшительностію и успѣшно. Но Грековъ всего—менѣе 3 милліоновъ, разсѣянныхъ по всей Турціи, между тѣмъ какъ султанъ имѣетъ 35,000,000 подданныхъ. Греки возстали, считывая на помощь Европы и особенно Россіи. Но Европа

¹⁾ См. *Двадцатый годъ*.

холодно смотрѣла на проливаемую Греками кровь, а императоръ Александръ и желалъ-бы помочь имъ, но Англія и Австрія связывали ему руки. Такъ шли годы; силы Грековъ начали изнемогать, а Турки по мѣрѣ своихъ успѣховъ стали чинить надъ Греками и прочими христіанами самыя страшныя звѣрства. Между тѣмъ на Русскій престолъ вступилъ императоръ Николай (1825). Онъ убѣдилъ Францію и Англію вступить за несчастныхъ Грековъ. Къ берегамъ Греціи были посланы русскіе, французскіе и англійскіе корабли. Они истребили турецкій флотъ въ виду греческаго городка Наварина (1827) и принудили султана признать независимость Грековъ. Греція составляетъ теперь небольшое, но совершенно независимое государство, король котораго имѣетъ въ супружествѣ племянницу нынѣ царствующаго Государя Императора.

Вслѣдъ затѣмъ императоръ Николай нанесъ Турціи новое и весьма сильное пораженіе. Русскія войска, послѣ цѣлаго ряда побѣдъ подъ начальствомъ генерала Дибича, перешли Балканскія горы, заняли вторую столицу Султана Адрианополь и угрожали самому Царьграду. Султанъ пожелалъ мира. Императоръ Николай остановилъ свои войска, но воспользовался своими побѣдами для того, чтобъ освободить отъ турецкаго ига Румуновъ (1829 г.). Ихъ земля составляетъ теперь княжество хотя и платящее дань султану, но имѣющее своего государя (князя), свое войско, свое совершенно особое управленіе. вмѣстѣ съ тѣмъ императоръ Николай принудилъ султана освободить на такихъ же условіяхъ и Сербію. Она обязалась платить Султану дань, но Турки должны были изъ нея выселиться, а Сербскій народъ избралъ себѣ княземъ Милоша Обреновича, который былъ вождемъ Сербовъ послѣ Георгія Чернаго.

Теперь въ Сербіи царствуетъ вцѣль этого Милоша, князь Миланъ Обреновичъ, женатый на богатой русской помѣщицѣ Наталіи Кешко.

Итакъ Россія уплатила свой долгъ Грекамъ, просвѣтившимъ нѣкогда ее евангельскимъ ученіемъ; она была главною причиною того, что Греція послѣ 400 лѣтъ порабощенія, сдѣлалась свободнымъ государствомъ. Она же доставила и православнымъ Румунамъ почти независимое существованіе, хотя ничѣмъ особеннымъ не была имъ обязана.

Что же касается задунайскихъ Славянъ, еще болѣе ей близкихъ,—братій не только по вѣрѣ, но и по крови, то значительная ихъ часть, Сербы, тоже составляютъ нынѣ, благодаря русской, пролитой за нихъ крови, особое, почти независимое государство. Россія же постоянно поддерживала Черногорцевъ — эту горсть героевъ, которыхъ нѣкогда не могла одолѣть турецкая сила, и которые никогда не платили султану дани. Теперь Черногорцами управляетъ князь Николай изъ рода Нѣгошей, обожаемый своимъ народомъ и вѣрный другъ Россіи. Онъ былъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ гостяхъ у насъ, а дочери его воспитываются въ одномъ изъ петербургскихъ женскихъ учебныхъ заведеній.

Изъ всѣхъ единоплеменныхъ намъ народовъ съ однимъ только-мы все какъ-то не уживались, — съ народомъ Польскимъ, или правильнѣе, съ польскою шляхтою и духовенствомъ.

Въ 1812 году, когда Наполеонъ I-й привелъ въ Россію свои два-на-десять языковъ¹⁾, къ нему применили шляхтичи не только теперешняго царства Польскаго, но и Западнаго края. Ксендзы и монахи грозили проклятіемъ всякому католику, который не возьмется за оружіе; паны вооружали своихъ дворовыхъ и крестьянъ. Но когда императоръ Французовъ бѣжалъ изъ Россіи и Русскіе заняли

---

¹⁾ См. *Девятнадцатый годъ*.

Варшаву, императоръ Александръ не только не мстилъ Полякамъ, но обласкалъ ихъ и обѣщаль позаботиться о ихъ судьбѣ.

И точно, по желанію и просьбѣ самихъ Поляковъ онъ принялъ титулъ короля Польскаго. Такимъ образомъ, наперекоръ мудрствованіямъ польскихъ пановъ и ксендзовъ, народы Русскій и Польскій слились въ одно государство. Императоръ Александръ впрочемъ оставилъ польскимъ своимъ подданнымъ ихъ законы, образовалъ особое польское войско, начальство надъ которымъ ввѣрилъ брату своему Константину Павловичу и установилъ такой порядокъ, что этотъ край, вслѣдъ за окончаніемъ раззорительной войны, началъ быстро оправляться и процвѣтать.

Но панамъ не нравилось, что при новомъ управленіи имъ нѣтъ прежней воли; ксендзы твердили, что ихъ вѣру угнетаютъ, потому что не позволяли имъ вмѣшиваться въ дѣла, не касающіяся церкви. Притомъ, забывая, что въ Западномъ краѣ искони жилъ не Польскій народъ, ксендзы и польскіе паны хотѣли соединить воедино по прежнему собственно Польское королевство съ западной Русью. По этому въ 1830 году противъ русскаго правительства составилъ между Поляками обширный заговоръ, въ которомъ участвовали главнымъ образомъ очень многіе паны и шляхта, да ксендзы какъ царства Польскаго, такъ и Западнаго края. Въ ноябрѣ 1830 года толпа вооруженныхъ людей напала ночью на дворецъ близъ Варшавы, въ которомъ проживалъ великій князь Константинъ Павловичъ и едва не умертвила его. Мятежъ вспыхнулъ во всемъ царствѣ Польскомъ и во многихъ мѣстахъ Западнаго края. Императоръ Николай (наслѣдовавшій Александру Павловичу) мятежными Варшавянами объявленъ былъ лишеннымъ престола.

Разумѣется, въ отвѣтъ на все это противъ мятежниковъ были двинуты русскія войска. Ими командовалъ генералъ Паскевичъ, отличившійся въ войну съ Турками (1828—1829 г.). Послѣ жестокаго боя онъ взялъ Варшаву въ са-

мый день годовщины Бородинскаго сраженія, 26-го августа (1831 года). Мятежь прекратился; край успокоился. По много ни въ чемъ неповиннаго народа, — Русскихъ и Поляковъ, — было перебито въ сраженіяхъ, много полей, политическихъ потомъ земледѣльца, было потоптано, разрушено домовъ, выжжено селеній, главное-же, по винѣ нѣсколькихъ безразсудныхъ и безнокойныхъ людей оживлялась вражда двухъ близкихъ по крови народовъ.

До громкихъ побѣдъ Россіи надъ Наполеономъ I-мъ ее, какъ уже сказано, мало знали Славяне-католики, живущіе въ Австрійской имперіи, — Чехи и Мораване, сосѣдніе съ Поляками, а также Хорваты, Словенцы, Далматинцы, живущіе вблизи Адриатическаго моря. Сказано и то, что Славяне эти, подданные Австрійскаго императора, хотя и не были притѣняемы подобно Славянамъ турецкимъ, сильно перерождались въ Нѣмцевъ. Одни крестьяне сохраняли свой языкъ; прочіе стыдились говорить на немъ.

Но побѣды великаго Славянскаго народа надъ грознымъ императоромъ Французовъ и надъ приведенными имъ въ Россію войсками всей Европы пробудили славянскій духъ и между Чехами и прочими австрійскими Славянами. Они перестали стыдиться своего происхожденія. Во многихъ славянскихъ городахъ, особенно въ старинной Прагѣ, начали печатать книги уже не на нѣмецкомъ языкѣ, какъ прежде, а на своемъ природномъ, и въ этихъ книгахъ доказывалось, что пора всѣмъ Славянамъ признать себя братьями и что первое мѣсто въ этой славянской семьѣ принадлежитъ Россіи, — единственному сильному славянскому государству.

Но такое пробужденіе славянскаго духа многимъ не нравилось. Оно не нравилось всѣмъ тѣмъ государямъ, между подданными которыхъ было много Славянъ; оно не нрави-

лось и тѣмъ народамъ, среди которыхъ жили Славяне, да и вообще во всей Европѣ опасались, что сочувствіе турецкихъ и австрійскихъ Славянъ сдѣлаетъ Россію слишкомъ сильною. Императоръ Николай, говорили, имѣетъ болѣе значенія чѣмъ султанъ среди Славянъ Балканскаго полуострова тоже грозить и Австрійскому императору.

Такіе слухи съ особенною настойчивостью распускали въ Англіи и во Франціи. Французскимъ императоромъ былъ въ это время Наполеонъ III-й, племянникъ грознаго завоевателя, за 40 лѣтъ передъ тѣмъ всю свою армию погубившаго въ Россіи. Племяннику хотѣлось отметить за своего дядю.

Поэтому онъ сблизился съ Англіей, и его и англійское правительство начали возбуждать противъ Россіи Турецкаго султана.

Вотъ какъ это случилось.

Всѣмъ извѣстно, что святыня Іерусалимская, есть первѣйшая въ мірѣ святыня для всего христіанства, хоть Іерусалимъ находится во владѣніяхъ Турецкаго султана. Ко гробу Господню, къ мѣстамъ освященнымъ страданіями Христа стекаются богомольцы со всего свѣта (но болѣе всего изъ Россіи). Поэтому въ Іерусалимѣ проживаетъ духовенство и православное, и католическое и всѣхъ прочихъ христіанскихъ исповѣданій. Въ концѣ сороковыхъ годовъ какъ въ Іерусалимѣ, такъ и вообще во всѣхъ турецкихъ владѣніяхъ католическое духовенство начало дѣлать духовенству православному разныя непріятности, и турецкія власти стали притѣснять православныхъ подданныхъ султана, явно оказывая предпочтеніе католикамъ. Императоръ Николай потребовалъ у султана справедливости. Султанъ, разобравъ дѣло, издалъ указъ въ пользу православныхъ. Но велѣдъ за тѣмъ онъ послалъ Іерусалимскому начальству приказаніе не дѣлать исполненія по этому указу.

Такое странное распоряженіе сдѣлано было султаномъ

въ угоду Наполеону III-му. Это показалось императору Николаю крайне оскорбительнымъ. Онъ послалъ въ Константинополь одного изъ приближеннѣйшихъ своихъ сановниковъ, князя Меншикова ¹⁾, чтобъ спросить у султана: другомъ—ли считать его или недругомъ, Султанъ смутился и готовъ былъ уступить, но въ это самое время къ Константинополю приблизились французскій и англійскій флоты; это лучше всякихъ словъ говорило: не бойся и не уступай,—Англія и Франція тебя поддержать.

Дѣйствительно султанъ не уступилъ. Тогда императоръ Николай приказалъ своимъ войскамъ занять берега Дуная и оставаться тамъ, пока справедливыя его требованія не будутъ удовлетворены.

Этого только и ожидали Франція и Англія. Онѣ обнадежили султана, что не оставятъ его, объявили, что надѣются склонить къ тому же Австрію и Италію и добились, что Турція (осенью 1853 года) объявила намъ войну.

Война началась блистательнымъ подвигомъ нашего Черноморскаго флота. Подобно тому какъ за 83 года передъ тѣмъ въ Чесменской бухтѣ ²⁾, русскіе корабли истребили весь турецкій флотъ въ виду города Синопа.

Вѣсть объ этой побѣдѣ пронеслась молніей между турецкими христіанами. Они взялись - было за оружіе. Но императоръ Николай видѣлъ, что противъ него собирается большая гроза и понималъ, что прежде всего она можетъ обрушиться на христіанъ Балканскаго полуострова. Поэтому онъ совѣтовалъ имъ успокоиться и терпѣливо ждать чѣмъ окончится начавшаяся война.

Въ продолженіе первой половины 1854 года турецкія, Французскія и Англійскія войска сражались съ нашими на Дунаѣ. Успѣхи были то на ихъ, то на нашей сторонѣ. Но

1) Правнукъ любимца Петра Великаго.

2) См. *Екатерина II-я*; Синопь находится на южномъ берегу Чернаго моря.

война только что начиналась; она разгоралась все болѣе и болѣе. Италія безъ всякой причины присоединилась къ нашимъ врагамъ; Австрія еще не рѣшалась присоединить къ нимъ свои войска, но этого можно было ожидать съ минуты на минуту.

Между тѣмъ непріятель, видя, что на Дунаѣ онъ не въ состояніи нанести намъ вреда, рѣшился, пользуясь бывшимъ въ его распоряженіи огромнымъ числомъ кораблей, перевести свою армію въ Крымъ и овладѣть этимъ полуостровомъ. Это былъ очень искусный расчетъ. Разумѣется непріятельскія войска могли несравненно скорѣе переплыть въ Крымъ, чѣмъ наши перейти съ Дуная сухопутьемъ: это очевидно, если взглянуть на карту. Въ Крыму же у насъ было очень мало войска (которыми командовалъ уже упомянутый выше князь Меншиковъ). Поэтому казалось очень возможнымъ овладѣть всею этимъ полуостровомъ, немедленно уничтожить несравненный Севастопольскій портъ и тѣмъ лишить Россію возможности имѣть флотъ на Черномъ морѣ.

Второго сентября 1854 года громадное количество кораблей приблизилось къ западному берегу Крыма и началась высадка непріятельской арміи. Наши войска хотѣли было остановить ее, но будучи вдвое слабѣе числомъ, принуждены были отступить къ Севастополю. Вслѣдъ за ними приблизились и союзники (французско-англо-италіянско-турецкая армія); они обложили Севастополь съ южной стороны, а непріятельскіе корабли стали противъ входа въ заливъ. Началась страшная, непримѣрная осада и оборона Севастополя.

Но прежде чѣмъ рассказывать какія исполинскія усилія были употреблены союзниками чтобы взять Севастополь, а нами, чтобъ удержать его, скажемъ, что такое этотъ Севастополь.

Этотъ городъ существуетъ всего сто лѣтъ, даже мень-

ше; но тѣмъ не менѣе съ нимъ связаны самыя древнія и священные воспоминанія наши. Въ двухъ или трехъ верстахъ отъ него находился городъ Херсонесъ или Корсунь, гдѣ пріялъ св. крещеніе Владиміръ Равноапостольный ¹⁾. Этотъ городъ давно уже разрушенъ, но сохранились его развалины; уцѣлѣли фундаменты многихъ зданій. Они уцѣлѣли въ такой степени, что всякій безъ труда отличить основаніе или фундаментъ церкви отъ фундамента другаго зданія. И въ числѣ этихъ полуразрушенныхъ церквей найдена та, въ которой Кіевскій великій князь крестился; найдена даже та самая купель.

Вотъ одна причина, почему намъ дорогъ Севастополь, почему онъ намъ былъ дорогъ еще прежде чѣмъ пріялъ крещеніе огнемъ и кровью,—огнемъ непріятельскимъ и кровью своихъ защитниковъ. Во вторыхъ, это такой портъ, какихъ мало во всемъ мірѣ.

Севастопольскій заливъ имѣетъ болѣе 7 верстъ въ длину и болѣе версты въ ширину, при томъ онъ очень глубокъ. Поэтому въ немъ можетъ стоять на якорѣ обширѣйшій флотъ. Но отъ этого залива отдѣляется къ югу еще другой, меньшій заливъ или бухта, столь же глубокой какъ и первый: здѣсь уже корабли могутъ не бояться ни вѣтровъ, ни непріятельскихъ выстрѣловъ. Наконецъ, эти заливы никогда не замерзаютъ и слѣдовательно представляютъ возможность во всякое время военнымъ кораблямъ выходить въ море и спастись въ бухтѣ отъ бурь, а кораблямъ торговымъ—производить торговлю круглый годъ.

Еще Потемкинъ обратилъ вниманіе на необыкновенныя удобства Севастопольскихъ заливовъ и началъ строить на ихъ берегахъ пристани, магазины и пр. Затѣмъ императоръ Николай соорудилъ тамъ огромныя мастерскія для постройки и починки кораблей, казармы для матросовъ, каменныя укрѣпленія со стороны моря и пр. Но онъ не защитилъ

---

¹⁾ См. *Начало Руси.*

Севастополя съ сухаго пути, ибо считалъ (да и не онъ одинъ) невозможнымъ, чтобы на корабляхъ можно было перевезти цѣлую армию и высадить ее на берегъ,—что однакожь, какъ мы видѣли, случилось.

Въ этихъ-то мастерскихъ сооружены были тѣ корабли, которые истребили турецкій флотъ при Синопѣ; въ этихъ-то казармахъ и въ разбросанныхъ кругомъ домахъ и домикахъ жили тѣ матросы и офицеры, которые болѣе всего прославили оборону Севастополя. Эти офицеры и матросы были достойными питомцами адмирала Лазарева, — отца черноморскаго нашего флота и устроителя Севастополя. Правда, этотъ флотъ былъ не великъ, несравненно меньше англійскаго и даже французскаго; но отъ старшаго адмирала до послѣдняго матроса въ немъ господствовалъ духъ по-истинѣ геройскій. Это были люди крѣпкіе тѣломъ и духомъ, — настоящіе герои.

Лазарева уже не было въ живыхъ въ 1854 году. За его смертью первѣйшими между черноморскими адмиралами были въ 1854 году Нахимовъ и Корниловъ ¹⁾. Нахимовъ былъ сутуловатый, невидный изъ себя старичокъ, но онъ былъ любимецъ всего флота, знатокъ своего дѣла, опытный воинъ, обстрѣленный, невозмутимый въ самыхъ страшныхъ опасностяхъ. Строгій по службѣ, но чрезвычайно добрый вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ былъ истиннымъ отцемъ матросовъ, которые звали его не иначе какъ Павломъ Степанычемъ и готовы были за нимъ въ огонь и воду. Корниловъ былъ гораздо моложе Назимова; матросы меньше знали его, а офицеры меньше его любили, потому что это былъ человекъ серьезный, неразговорчивый, вѣчно занятый въ своемъ кабинетѣ. Но главный начальникъ всѣхъ русскихъ флотовъ, — а имъ былъ князь Меншиковъ, — выбралъ его своимъ помощ-

¹⁾ Оба эти адмирала были питомцами Лазарева, который, подъ руководствомъ Государя, можно сказать, создалъ Черноморскій флотъ, совершенно подъ упавшей — было послѣ Потемкина.

И. С. НАХИМОВЪ.

никомъ по черноморскому флоту, и всѣ знали, что Корниловъ этимъ флотомъ верховодить. Всѣ были увѣрены также, что въ трудныя минуты не обойдется безъ Корнилова, что въ эти минуты онъ выступитъ первымъ человѣкомъ.

Такія минуты наступили теперь, и Корниловъ взялъ дѣло въ свои руки. Пока князь Меншиковъ сражался съ высадившимися союзными войсками, Корниловъ принялся укрѣплять Севастополь, и работа закипѣла. Помощникомъ его въ этомъ дѣлѣ былъ извѣстный теперь генералъ, а тогда молодой офицеръ Тотлебенъ, инженеръ. Тотлебенъ указывалъ, на какомъ мѣстѣ и какъ надо поставить насыпь, а Корниловъ распоряжался силами, которыя возводили эти насыпи и укрѣпленія. Ни днемъ, ни ночью не было перерыва въ этихъ работахъ. Работали при свѣтѣ солнечномъ, работали ночью съ фонарями. Работали не только матросы, но музыканты, пѣвчіе, арестанты, даже женщины, жены матросовъ: одно изъ укрѣпленій съ основанія своего и до верху, воздвигнуто было одними женскими руками. Но рабочіе смѣнялись, а Корнилова видѣли и днемъ и ночью. Его блѣдная, высокая, сухая фигура, какъ привидѣніе, казалось, не нуждалась въ отдыхѣ и точно будто-бы появлялась въ одно время на разныхъ пунктахъ работъ. За то князь Меншиковъ, возвратясь въ Севастополь послѣ нѣсколькихъ дней отлучки, не узналъ его укрѣпленій.

Но не взирая на это и на прежнія укрѣпленія въ заливѣ, князь Меншиковъ видѣлъ что непріятельскій флотъ можетъ ворваться въ этотъ заливъ, и истребить укрывшіеся тамъ наши корабли. Поэтому онъ принялъ тяжелое, но полезное рѣшеніе—затопить часть этихъ кораблей при входѣ въ заливъ.

И Корниловъ и всѣ адмиралы и офицеры понимали что приказаніе князя Меншикова благоразумно, но какъ наложить руки на собственное свое, на любимѣйшее свое дѣтище, на эти корабли, на которыхъ пережито столько бурь и добыто столько славы!... Однако пришлось это сдѣлать.

10-го сентября на всѣхъ судахъ нашего флота, по обыкновенію, музыка съиграла вечернюю зорю. Послѣ того съ семи судовъ назначенныхъ къ потопленію, съѣхали команды; осталось только по нѣскольку рабочихъ при офицерѣ, которые тотчасъ же принялись выпиливать дыры въ корабельныхъ стѣнахъ. Затѣмъ и эти рабочіе съѣхали, и обреченные гибели суда начали наполняться водою, опускаться и тонуть.

Никто изъ Севастопольскихъ моряковъ не спалъ въ эту ночь; они толпились на берегу и грустно провожали глазами этихъ боевыхъ друзей своихъ, тихо опускавшихся въ сырую могилу. И вотъ они, одинъ за другимъ, опустились на дно; только мачты ихъ покачивало волненіемъ. Но одинъ корабль, по имени Трехъ-Святителей, держался еще на волнахъ. Вода лилась въ продѣланныя отверстія, а онъ все не шель ко дну, будто живой и будто его что-то привязываетъ къ жизни.... Нельзя было безъ слезъ видѣть какъ этотъ бѣдный корабль не хотѣлъ умирать; онъ бился всю ночь.... Но приказаніе было отдано и нельзя было не исполнить его. Въ израненный, но еще живой корабль пустили нѣсколько бомбъ ¹⁾ и онъ, запатавшись и потерявъ остатнія силы, пошелъ ко дну!....

Присутствовавшіе хотѣли расходиться, но Корниловъ остановилъ ихъ. Лицо его было, по обыкновенію, блѣдно, но глаза горѣли.

— „Дѣло сдѣлано, товарищи, — сказалъ онъ, — и унывать не слѣдуетъ. Помните: Москва сгорѣла, а Русь не погибла; напротивъ, стала сильнѣе. Богъ милостивъ. Онъ, послѣ новаго испытанія, безъ сомнѣнія готовитъ вѣрному народу новую славу!“

¹⁾ Бомбою называютъ чугунный шаръ внутри пустой, пустота котораго начинена порохомъ; при выстрѣлѣ этотъ порохъ загоряется и разрываетъ бомбу на нѣсколько кусковъ, которые разлетаются по сторонамъ и могутъ перебить много народа. Въ деревянной стѣнѣ разрывъ бомбы образуетъ большую дыру.

КОРНИЛОВЪ.

Между тѣмъ сооруженіе насыпей не останавливалось ни на минуту; онѣ были вооружены громадными орудіями съ кораблей. На этихъ укрѣпленіяхъ было до 15 тысячъ чело- вѣкъ разнаго рода войскъ, но главнымъ образомъ моряковъ. Армія князя Меншикова расположилась въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Севастополя. Корниловъ приказалъ во всѣхъ укрѣпленіяхъ отслужить молебны и затѣмъ обошелъ самъ эти укрѣпленія. Онъ говорилъ не много, но слова его напо- минали древняго героя Святослава ¹⁾.

— „Царь надѣется, говорилъ онъ, что мы отстоимъ Се- вастополь, да намъ и не к уда отступать: позади насъ мо- ре, а впереди непріятель. Пусть никто и не думаетъ объ от- ступленіи. Пусть музыканты забудутъ играть ретираду²⁾. Тотъ измѣнникъ, кто потрубитъ ретираду, и если я самъ прикажу отступить,—коли и меня!“

Мы не станемъ рассказывать оборону Севастополя день за днемъ, но упомянемъ лишь о важнѣйшихъ событіяхъ.

5 октября 1854 года былъ страшный день для Севасто- польцевъ. Утро было пасмурное. Но едва туманъ сталъ осѣ- дать, едва начали показываться мачты непріятельскихъ ко- раблей и непріятельскихъ окоповъ, облеглихъ Севастополь съ сухаго пути, какъ вдругъ на всѣхъ этихъ окопахъ и кораб- ляхъ мелькнули огоньки, взвились бѣлые дымки; точно громъ прокатился по всей окрестности и градъ бомбъ и ядеръ ³⁾

¹⁾ См. *Начало Руси*.

²⁾ Такъ какъ шумъ и трескъ во время боя не дозволяютъ слы- шать человѣческой голось, то приказанія отдаются начальниками по- средствомъ сигналовъ; есть сигналъ „наступленіе“, есть сигналъ „отсту- пленіе“ (или ретирада) и т. д.

³⁾ Ядро — сплошной чугунный шаръ, а бомба, какъ уже сказано, чугунный шаръ пустой внутри, наполненный порохомъ, который выпы- хиваетъ при паденіи бомбы, разрываетъ ее на куски или осколки и уби- ваетъ и ранитъ ими людей находящихся поблизости.

упалъ на Севастополь. Стрѣляло болѣе 1600 орудій. Ядра, пущенныя настильно, ударясь въ землю и подпрыгивая отъ этихъ ударовъ, рыскали по всеѣмъ направлѣнїямъ, какъ стая дикихъ звѣрей, вырывая цѣлыя ряды людей при каждомъ прыжкѣ; бомбы, поднявшись до облаковъ, падали оттуда и разрывались, разбрасывая на далекое пространство осколки чугуна, камни и мелкій щебень. И такіе ядра и бомбы падали ежеминутно сотнями, и эти сотни ядеръ и бомбъ падали въ продолженіе цѣлаго дня. Люди гибли, земляныя работы разрушались; надо было тутъ-же, подъ непріятельскимъ огнемъ, исправлять эти работы, замѣнять убитыхъ и раненыхъ. Одно изъ этихъ ядеръ оторвало храброму адмиралу Корнилову ногу у самого живота....

— „Не отдавайте Севастополя!“ крикнулъ онъ когда его подняли на носилки; а послѣднія слова его были „благослови Господи, Россію и Государя“.

Бомбардировка произвела жестокія опустошенія. Но не взирая на это никто и думать не хотѣлъ о томъ, чтобъ покинуть Севастополь. Да и вообще собственно о себѣ никто не думалъ. Нѣсколько дней послѣ смерти Корнилова раненъ былъ старикъ Нахимовъ; но онъ не только не покидалъ укрѣпленій, но даже не хотѣлъ чтобъ ктонибудь зналъ о его ранѣ, обтиралъ кровь платкомъ и продолжалъ распоряжаться.

— Вы ранены, Павелъ Степановичъ, замѣтилъ ему кто-то.

— „Неправда-съ“, быстро отвѣтилъ онъ и отвернулся чтобъ обтереть кровь.

Одинъ деньщикъ несъ обѣдать своему офицеру на укрѣпленія. Ему приходилось проходить подъ цѣлымъ градусомъ валившагося чугуна и свинца, но онъ сдѣлалъ - таки свое дѣло и, поставивъ передъ офицеромъ миску со щами, сказалъ улыбаясь: „вотъ и щей даже не пролил!“

Съ такими людьми Севастополь могъ держаться еще долго.

Во все время осады князь Меншиковъ съ небольшою своею арміею стоялъ въ виду Севастополя на высотахъ именуемыхъ Инкерманскими ¹⁾, не далеко отъ восточной оконечности залива.

Около половины октября начали подходить къ нему подкрѣпленія съ Дуная и изъ Россіи. Ихъ вели безъ отдыха и везли на подводкахъ, дѣлая болѣе 100, а иногда и около 150 верстъ въ сутки. Часть новоприбывшихъ полковъ была введена въ Севастополь, чтобъ усилить его защитниковъ, сильно уже пострадавшихъ, а другую часть князь Меншиковъ удержалъ при себѣ.

Союзники занимали возвышенную и открытую мѣстность къ югу отъ Севастополя. Линія ихъ упиралась однимъ (лѣвымъ) концомъ въ море, а другой конецъ этой линіи близко подходилъ къ войскамъ князя Меншикова. Ближе къ морю стояли Французы, а ближе къ князю Меншикову—Англичане. Послѣднихъ отдѣлялъ отъ князя Меншикова широкій и глубокій оврагъ, въ который и спуститься было трудно, а подняться еще гораздо труднѣе.

Не взирая однако на эти трудности князь Меншиковъ рѣшился ударить на Англичанъ всѣми своими силами; онъ рассчитывалъ что, въ случаѣ успѣха, можно будетъ и Англичанъ и всѣхъ ихъ союзниковъ сбросить въ море.

Дѣло назначено было на 24 октября. Утро было туманное—какъ по заказу. Пользуясь этимъ туманомъ часть нашихъ войскъ, незамѣченная Англичанами, подошла къ ихъ лагерю и съ перваго удара сбила ихъ съ мѣста. Еслибъ велѣдъ затѣмъ явилась и другая часть нашихъ войскъ, то вѣроятно къ вечеру не осталось-бы ни одного непріятельскаго солдата подъ Севастополемъ. Но ее задержала грязь въ

---

¹⁾ Инкерманская гора—мѣловая; въ I-мъ вѣкѣ по Рождествѣ Христовѣ, во время гоненія въ Римѣ на христіанъ, тамонній епископъ Климентъ, сосланный въ Крымъ, выкопалъ въ этой горѣ пещеру и устроилъ въ ней церковь которая существуетъ и понынѣ.

томъ оврагѣ, который отдѣлялъ лагерь Меншикова отъ англійскаго лагеря. Между тѣмъ Англичане опомнились, Французы бѣгомъ прибѣжали къ нимъ на выручку, и Русскіе были не только что отбиты, но сброшены съ страшнаго, совершенно отвѣснаго обрыва въ упомянутый оврагъ.... Иные, отдавшись на волю Божию, рѣшились спускаться, цѣпляясь за корни растений, другіе, видя впереди гибель почти не минуемую, поворачивали назадъ и кидались на непріятеля: „погибать, такъ погибать не даромъ!“

Неудачный исходъ дѣла 24 октября крайне огорчилъ всѣхъ и въ арміи и въ Севастополѣ, да и во всей Россіи. Тѣ, которымъ случилось видѣть Государя въ зиму 1854—55 года, говорили, что онъ очень постарѣлъ и осунулся. Прекрасное лицо его пожелтѣло. Инкерманъ отнялъ у него много здоровья и много жизни.

Но ничего не выиграли и непріятели. Они увидѣли, что осаду Севастополя придется считать не днями и недѣлями, а мѣсяцами. При томъ ненастье наступило въ этомъ году раньше обыкновеннаго, съ половины октября. Сильные вѣтры чередовались съ холодными дождями, а 2-го ноября разразилась такая буря, какой давно не бывало. Довольно сказать, что въ этотъ день погибло на Черномъ морѣ болѣе 30 судовъ, слѣдовавшихъ съ разными снабженіями для непріятельской арміи. Поэтому, къ недостатку теплой одежды, обуви и порядочныхъ помѣщеній, присоединились недостатки всякаго рода, и хоть вообще,—надо отдавать справедливость и врагамъ,—непріятель терпѣливо переносилъ невзгоды, но не мало народу въ это время перебѣжало отъ него къ намъ.

Нелегко было и нашимъ переносить осеннее ненастье и зимній холодъ; но нашимъ все-таки было легче; часть ихъ жила въ уцѣлѣвшихъ домахъ; въ топливѣ не было недостатка, и всякаго рода подвозы, хоть и очень замедляемые рас-

путицей, доходили до Севастополя. По всёмъ этимъ причинамъ мы начинали брать верхъ надъ непріателемъ. Пользуясь темными, дождливыми ночами, изъ нашихъ укрѣплений повадились ходить маленькія, а иногда и порядочныя партіи охотниковъ „тревожить“ непріателя. Разумѣется нѣсколько десятковъ, или хоть сотенъ человѣкъ ничего важнаго сдѣлать не могутъ; но подерадутся они къ непріательскимъ укрѣпленіямъ и,—вдругъ, сдѣлавъ залпъ, стремглавъ выдуются на укрѣпленіе, бьютъ полусонныхъ людей, портятъ орудія, рубятъ колеса въ лафетахъ и т. п., а главное—поднимаютъ тревогу во всемъ непріательскомъ станѣ.

Мы, какъ сказано, видимо начинали брать верхъ надъ непріателемъ; мы его тревожили, а не онъ насъ; мы наступали на него. Еслибъ въ это время прибыло въ Севастополь нѣсколько десятковъ тысячъ свѣжихъ солдатъ—непріательской арміи не уйти бы живьемъ изъ Крыма. Но желѣзныхъ дорогъ въ то время не было, а дожди такъ испортили дороги въ Новороссійскомъ краѣ, что войска и обозы съ порохомъ и чугуномъ едва не тонули въ грязи.

Поэтому мы воспользовались труднымъ положеніемъ непріателя меньше чѣмъ было бы желательно. Притомъ зима въ Крыму непродолжительна. На весеннемъ солнышкѣ непріатель началъ отогрѣваться и оживать. Море успокоилось; корабли стали подвозить непріателю подкрѣпленія, оружіе и припасы всякаго рода, а съ нашей стороны подвозы продолжали замедляться по причинѣ весенней распутицы, и дѣло снова стало поворачиваться не въ нашу пользу. Въ концѣ февраля пришла въ Севастополь горестная вѣсть о кончинѣ Императора. Этого богатыря сломила скорбь,—скорбь о томъ, что его войска и черноморскій флотъ гибнутъ, что Севастополь, на который онъ положилъ столько труда, денегъ и заботъ,—разрушается; что бывшіе его союзники встаютъ противъ него съ какимъ-то непонятнымъ ожесточеніемъ.

Непріятели наши напирали на Россію со всѣхъ сторонъ; флоты ихъ угрожали Петербургу и всему Балтійскому прибрежью; поэтому мы принуждены были держать тамъ цѣлую армію; другую армію мы были принуждены держать на границѣ Австріи, отъ которой ежеминутно ожидали объявленія войны; мы должны были держать третью армію въ Грузіи, потому что на нее напирали Турки всѣми своими силами; мы должны были держать войска въ Финляндіи,—куда непріятель сдѣлалъ высадку; мы должны были держать войска на берегахъ Бѣлаго моря, — даже на берегахъ Тихаго океана, у впаденія въ него рѣки Амура, и въ Камчаткѣ, ибо англійскіе корабли появлялись на всѣхъ моряхъ, на всѣхъ концахъ Россіи. Понятно слѣдовательно, что въ Крыму недоставало силъ.

Между тѣмъ къ непріятелю прибывали новыя силы, оружіе, порохъ, продовольствіе. Въ мартѣ онъ произвелъ вторую бомбардировку, еще болѣе губительную чѣмъ первая и началъ приближаться къ Севастополю своими окопами. Не только на нашихъ укрѣпленіяхъ, но въ самомъ Севастополѣ не было спасенія отъ выстрѣловъ. Худо начинало быть намъ. Но не взирая на все это и теперь никто не хотѣлъ думать о сдачѣ Севастополя. Старые знакомцы—Павелъ Степанычъ, Тотлебенъ и недавно прибывшій въ Севастополь, но издавна знакомый солдатамъ храбрецъ, генералъ Хрулевъ, — поддерживали духъ солдатъ. Какъ ни сыпалъ непріятель чугуномъ, какъ ни напиралъ онъ грудью и какъ ни тяжело приходилось нашимъ солдатикамъ, стоило только явиться Хрулеву на своей маленькой бѣлой лошади и крикнуть: „благодѣтели, за мной!“ стоило услышать знакомый голосъ Нахимова—„ребята, навались!“—и откуда брались силы у солдатъ и матросовъ! Объ офицерахъ, полковыхъ и другихъ командирахъ нечего и говорить; они пили ту же чашу смерти, какъ и послѣдній солдатъ. Священники съ крестомъ въ рукѣ сопровождали свои полки, когда они шли на непріятеля. Изъ Петербурга и Москвы пріѣха-

ли сострадательныя женщины, сестры милосердія,— для ухода за ранеными. Эти женщины,—иныя изъ знатныхъ семействъ,—проводили въ госпиталяхъ ночи безъ сна, перевязывали раненыхъ, читали страдальцамъ утѣшительныя книги. За то-же и полюбили ихъ Севастопольцы. „Сестрица, дайте руку,—легче будетъ“, скажетъ иной бѣднякъ, у котораго ковыряютъ ножемъ въ груди, чтобъ вынуть заѣвшую пулю.

Между тѣмъ непріятель все усиливался. Къ нему подвозили свѣжіе полки, новыя орудія всякаго рода, новыя тысячи бомбъ и ядеръ. Въ маѣ у непріятели было болѣе 150 тысячъ солдатъ французскихъ, англійскихъ, турецкихъ и итальянскихъ, а въ Севастополѣ считалось не больше 35-и тысячъ. Союзники сдѣлали въ маѣ третью бомбардировку, а въ началѣ іюня—четвертую. Севастополя уже почти не существовало: это была груда развалинъ и больше ничего. Непріятельскія бомбы перелетали черезъ заливъ, на Сѣверную сторону; и тамъ уже не было спасенія. Эти бомбы могли каждую минуту зажечь наши корабли. Видимо становились что Севастополю не устоять. Мало уже оставалось тѣхъ, которые видѣли начало осады. Палъ отецъ черноморскихъ матросовъ Нахимовъ: онъ былъ убитъ на Малаховомъ Курганѣ, вблизи того мѣста, гдѣ палъ и Корниловъ.

Слишкомъ восемь мѣсяцевъ уже продолжалась осада Севастополя. Сами враги наши удивлялись стойкости его защитниковъ. Не менѣе удивлялись они спокойствію и даже веселости нашихъ офицеровъ, солдатъ и матросовъ.

„На все воля Божія и безъ вѣлѣнія Его волосъ съ головы не упадетъ“, разсуждаетъ Русскій человѣкъ:—вотъ почему онъ такъ спокоенъ въ опасности и шутитъ подъ пулями. Но идя на смерть не забываетъ онъ перекреститься. Въ каждой изъ тѣхъ землянокъ, въ которыхъ жили и солдаты, и матросы, и офицеры, и даже генералы,—ибо другихъ помѣщеній не было,—въ каждой, повторяемъ, землянкѣ непре-

мѣнно висѣлъ образъ и передъ нимъ постоянно теплилась лампадка. И передъ этими образами изливались горячія, усердныя молитвы, потому что всякій понималъ, что это можетъ быть послѣдняя его молитва.

Простая набожность защитниковъ Севастополя, покорность ихъ передъ Божественнымъ Промысломъ, ихъ несравненное мужество и наконецъ ничѣмъ не помрачаемая веселость, къ какой способны лишь чистыя, честныя сердца, возложившія все упованіе на Бога, были по-истинѣ изумительны и поучительны. Въ концѣ іюня посѣтилъ Севастополь преосвященный Иннокентій, архиепископъ Новороссійскій, и вотъ что сказалъ онъ, по окончаніи Богослуженія, обратясь къ офицерамъ и солдатамъ:

„Не поученье говорить прибыли мы сюда; мы явились учиться, какъ исполнять заповѣдь Христа Спасителя—, „о, ставь отца и мать твою и домъ твой, возьми крестъ и гряди по мнѣ“. Впредь, поучая паству свою, не надобно будетъ далеко искать примѣровъ добродѣтели. Я скажу: „иди въ градъ сей и научись у перваго встрѣчнаго изъ братій твоихъ, и пади ницъ, — мѣсто бо сіе свято есть!“

Между тѣмъ на мѣсто князя Меншикова назначенъ былъ генераль князь Горчаковъ. Получивъ нѣсколько подкрѣпленій, онъ 4-го августа рѣшился всѣми своими силами обрушиться на непріятеля, со стороны рѣчки Черной и овладѣть высотами, которыя называютъ Федюхиными. Но оказалось, когда мы подступили къ нимъ, что эти горы были сильно заняты непріателемъ. Какъ ни напирала наша полка, они не могли его сбить оттуда. Потеря съ нашей стороны была страшная. Мы лишились 8,000 солдатъ, 250 офицеровъ и 11 генераловъ, тогда какъ непріятель потерялъ почти вдесятеро менше. Пришлось отступить.

Послѣ сраженія на Черной рѣчкѣ не стало уже надежды отстоять Севастополь. Но все таки, отъ старшаго генерала

до послѣдняго солдата, все хотѣли держаться въ немъ до послѣдней возможности. Одинадцать мѣсяцевъ держались въ немъ, обливали его кровью своей: какъ же съ нимъ разстаться!

Но союзники поняли что наша сила надломлена, и на другой день послѣ сраженія при Черной рѣчкѣ открыли пятую бомбардировку. Она превосходила все прочія. Это былъ совершенный адъ. Бомбы и ядра сыпались почти непрерывно въ продолженіе 20 сутокъ. Мы теряли ежедневно самое малое, 500 человекъ; но большей же части до 1000, а въ иные дни и до 1500. Притомъ несчастныя укрѣпленія наши, тысячу разъ рассыпавшіяся отъ выстрѣловъ и тысячу разъ починявшіяся, обратились наконецъ въ кучи песка, который не давалъ никакого отпора выстрѣламъ. Непрiятель однако не рѣшался кинуться, какъ прежде, на эти осыпавшіяся, разрушенныя укрѣпленія, на эти кучки людей высохшихъ отъ зноя, труда и бессонныхъ ночей. Онъ подвигался шагъ за шагомъ, вырывая для своего пути извилистыя канавки и выводя валы изъ земли, которая выбиралась изъ этихъ канавокъ. Подвинувшись на нѣсколько сажень такими канавками, онъ дѣлалъ поперекъ ея другую, въ которой ставилъ орудія, и затѣмъ отправлялся далѣе, все извилистыми канавками.

Такъ подвинулся онъ къ нашимъ укрѣпленіямъ на самое близкое разстояніе, — сажень на 30—50. Онъ могъ въ нѣсколько мгновеній перебѣжать изъ своихъ канавокъ на наши укрѣпленія. Но за этими кучами песка, которыя назывались укрѣпленіями, въ ямахъ происшедшихъ отъ разрыва бомбъ, день и ночь сидѣли наши герои, готовые встрѣтить непрiятеля штыками, — и онъ не рѣшался схватиться съ нами, а только приближался своими канавками и сыпалъ, именно сыпалъ бомбами, ядрами и пулями. Не только на укрѣпленіяхъ, — въ городѣ, между его развалинами, уже не было ни одного хоть сколько нибудь безопаснаго мѣста. Бомбы валились сотнями въ заливъ. Въ ночь съ 26 на 27 Авгу-

ста онѣ подожгли одинъ изъ нашихъ кораблей, на которомъ хранилось 200 бочекъ спирта. Вслѣдъ затѣмъ взлѣтѣло на воздухъ другое судно нагруженное порохомъ.

Это была самая страшная ночь изъ всѣхъ 349 ночей Севастопольской осады. Между тѣмъ къ утру 27-го числа непріятельскія траншеи были отъ нѣкоторыхъ укрѣпленій нашихъ въ 20 саженихъ, а отъ Малахова кургана ¹⁾ въ 12-и. Едва занялась заря, какъ непріятель открылъ огонь изъ всѣхъ своихъ орудій,—такой адскій огонь, что къ полудню у насъ выбыло изъ строя 2000 человекъ.

Около полудня выстрѣлы стали рѣже и наконецъ вовсе прекратились. Но ровно въ 12 часовъ со всѣхъ непріятельскихъ укрѣпленій и траншей грянулъ залпъ, и вслѣдъ за ядрами и бомбами, прежде чѣмъ они успѣли долетѣть, болѣе 25000 Французовъ кинулось на Малаховъ курганъ. Ровъ давно уже былъ заваленъ обрушившимися отъ выстрѣловъ насыпями; валовъ не было почти и слѣда,—а непріятельскія канавки всего въ 36-и шагахъ. Поэтому 6000 Французовъ были на курганѣ прежде чѣмъ наши успѣли вскочить на ноги. Началась страшная свалка. Но нашихъ было на Малаховѣ всего 400 человекъ ²⁾. Соменувшись въ кучу, наши однако отбивались. Къ нимъ бѣгомъ стали набѣгать другіе полки; но и Французы набѣгали тоже. За тѣснотою было невозможно стрѣлять; трудно даже было дѣйствовать штыкомъ. По этому дрались чѣмъ попало: ножами, камнями; душили другъ—друга руками, вцѣплялись одинъ въ другаго зубами.

Какъ только на Малаховѣ вскочили Французы, непріятель кинулся и на другія наши укрѣпленія и свалка завязалась по всей линіи; вездѣ наши удержались—кромѣ толь-

¹⁾ Гдѣ были убиты Корниловъ и Нахимовъ.

²⁾ Слишкомъ 8000 человекъ Русскихъ были размѣщены, для защиты отъ выстрѣловъ, за разными стѣнами полуразрушенныхъ домовъ, за кучами кирпича и т. п., въ небольшомъ разстояніи отъ кургана, но гораздо дальше чѣмъ находились отъ него непріятельскія канавки.

ко Малахова. Съ этого кургана мы не могли вытѣснить Французовъ. Тогда явился къ нему на помощь Хрулевъ; онъ былъ какъ всегда, на бѣлой лошади. Встрѣтивъ кучу солдатъ, которая бѣжала къ кургану, онъ имъ крикнулъ свои обыкновенныя слова: „благодѣтели, за мной!“. Соскочивъ съ коня онъ сорвалъ съ груди образъ и высоко поднявъ его надъ головой, полѣзъ на курганъ. Но пуля ударила его, хотя и не смертельно, но такъ что онъ долженъ былъ оставить бой. Другіе генералы принимали команду послѣ него, и всѣ, одинъ за другимъ, были или убиты или ранены. Кончилось тѣмъ, что некому было вести нашихъ солдатъ. Дрались лишь отдѣльныя кучки подъ начальствомъ молодыхъ офицеровъ. Главное начальство было все перебито и всѣ заряды разстрѣляны.

Изъ числа всѣхъ нашихъ укрѣпленій, какъ сказано, занять былъ непріателемъ одинъ Малаховъ курганъ; но это было самое важное мѣсто. Оттуда непріатель могъ поражать выстрѣлами своими всѣ прочія наши укрѣпленія; поэтому въ нихъ уже невозможно было держаться. А такъ какъ при томъ изъ 40,000 человѣкъ, оборонявшихъ Севастополь, было изъ строя въ день 27 Августа почти 13 тысячъ, то князь Горчаковъ приказалъ войскамъ покинуть Севастопольскія укрѣпленія, и переправясь черезъ заливъ, собраться на другой, сѣверной сторонѣ этого залива.

Въ теченіе ночи съ 27-го на 28-го Августа всѣ войска наши были переведены по мосту и перевезены на судахъ на другой берегъ. Перевезено было и сколько возможно орудій; тѣ же, которыхъ нельзя было спасти, мы сами портили или сбрасывали въ заливъ, а порохъ взрывали. Все что только могло горѣть въ Севастополь, было подожжено. Наконецъ, когда перевозка войскъ была окончена, а Севастополь охваченъ пламенемъ, мы разрушили мостъ и затопили послѣдніе наши черноморскіе корабли. Наступило утро, и не-

пріятель увидѣлъ передъ собою одни дымящіеся развалины Севастополя, разрушенныя укрѣпленія и совершенно пустой заливъ.

Отдохнувъ на сѣверной сторонѣ войска наши переходили на Инкерманскія высоты и другія смежныя съ ними. Около 30 т. человекъ, уцѣлѣвшихъ отъ Севастопольской бойни и закаленныхъ въ бою, присоединились къ тѣмъ, которые находились здѣсь прежде. Эти соединенныя силы были достаточны чтобъ не допустить непріятеля двинуться далѣе Севастополя. „Теперь,—объявилъ князь Горчаковъ войскамъ, начинается новая война,—война полевая, свойственная духу русскаго солдата“.—

Но до этого дѣло недошло.

Непріятель не покидалъ Севастополя, но и не наступалъ на князя Горчакова, а въ слѣдующемъ 1856 году заключенъ былъ и миръ.

Война 1854—1855 годовъ, или какъ ее называютъ, Восточная война, была для насъ неудачна. Мы потеряли весь нашъ прекрасный черноморскій флотъ и всѣ огромныя и дорого стоящія приспособленія для постройки и снаряженія кораблей, заведенныя въ Севастополь; Севастополь былъ разрушенъ вконецъ; непріятель истребилъ множество купеческихъ судовъ нашихъ на Черномъ морѣ, а также на Азовскомъ, Балтійскомъ и Бѣломъ; наконецъ мы лишились небольшой полоски земли по берегу Дуная. Но достигли-ли своей цѣли непріятели? Сокрушили-ль они Россію? Нѣтъ; наши неудачи открыли намъ глаза на многое, что было у насъ недостаточно хорошо и чего мы прежде не замѣчали. Государь и народъ дружно принялись за исправленія и улучшенія ¹⁾ и нынѣ, по прошествіи менѣе чѣмъ 20 лѣтъ со времени окончанія Восточной войны, отечество на-

¹⁾ См. „Нынешнее царствованіе“.

Кладбищенская церковь на СЪВЕРНОЙ СТОРОНѢ.

Кладбищенская церковь.

Кладбищенская церковь

ше пользуется между государствами Европы такимъ уваженіемъ, какого никогда доселѣ неимѣло. Раны наши зажили. Славяне и прочіе христіане Балканскаго полуострова, по прежнему ждуть спасенія отъ одной только Россіи; взаимѣнъ доскутка земли на берегу Дуная, потеряннаго въ 1856 году, приобрѣтены въ Азіи цѣлыя царства, да и самый Севастополь, облитый кровію, спаленный и разрушенный, начинается возрождаться.

Съ Божіей помощью онъ возродится и процвѣтетъ, и черезъ нѣсколько лѣтъ на немъ не останется и слѣдовъ перенесенной имъ грозы. Но на память вѣкамъ и на поученіе намъ, русскимъ, въ немъ сохранится нѣчто отъ геройской его обороны,—кладбище находящееся на сѣверной сторонѣ залива. Туда въ послѣднее время осады свозили всѣхъ нашихъ убитыхъ, а впоследствии туда-же перенесли и тѣхъ кто былъ похороненъ на мѣстѣ боя. Тамъ же пожелали лечь, среди своихъ боевыхъ товарищей, и нѣкоторые защитники Севастополя, пережившіе страшную осаду,—каковы между прочимъ князь Горчаковъ и генераль Хрулевъ. Надъ этимъ громаднымъ кладбищемъ возвышается православный храмъ, и вѣрно всякій Русскій подъѣзжающій къ Севастополю,—съ моря-ли или съ суши,—завидя его, вспомнить слова пресвященнаго Иннокентія; „пади ницъ,—мѣсто бо сіе свято есть!“.

Поправка къ стр. 14-й и 15-й.

По напечатаніи сей брошюры, вслѣдствіе послѣдней войны Россіи съ Турціей, ни Румунское, ни Сербское княжества уже не обязаны платить дани Султану. Границы Сербіи и Черногоріи распространены и изъ части Болгаріи, отъ Дуная до Балкановъ, образовано особое княжество, признающее впрочемъ власть Султана и обязанное платить ему дань.

Кодда пружа 150

Кодда пружа № 150
Шифр

Кодда пружа

1116

получена 9 июня 1879 г.
получена 9 июня 1879 г.

получена 9 июня 1879 г.

получена 9 июня 1879 г.

5 3 8

Кодда пружа
А. С. Котомов

Кодда пружа

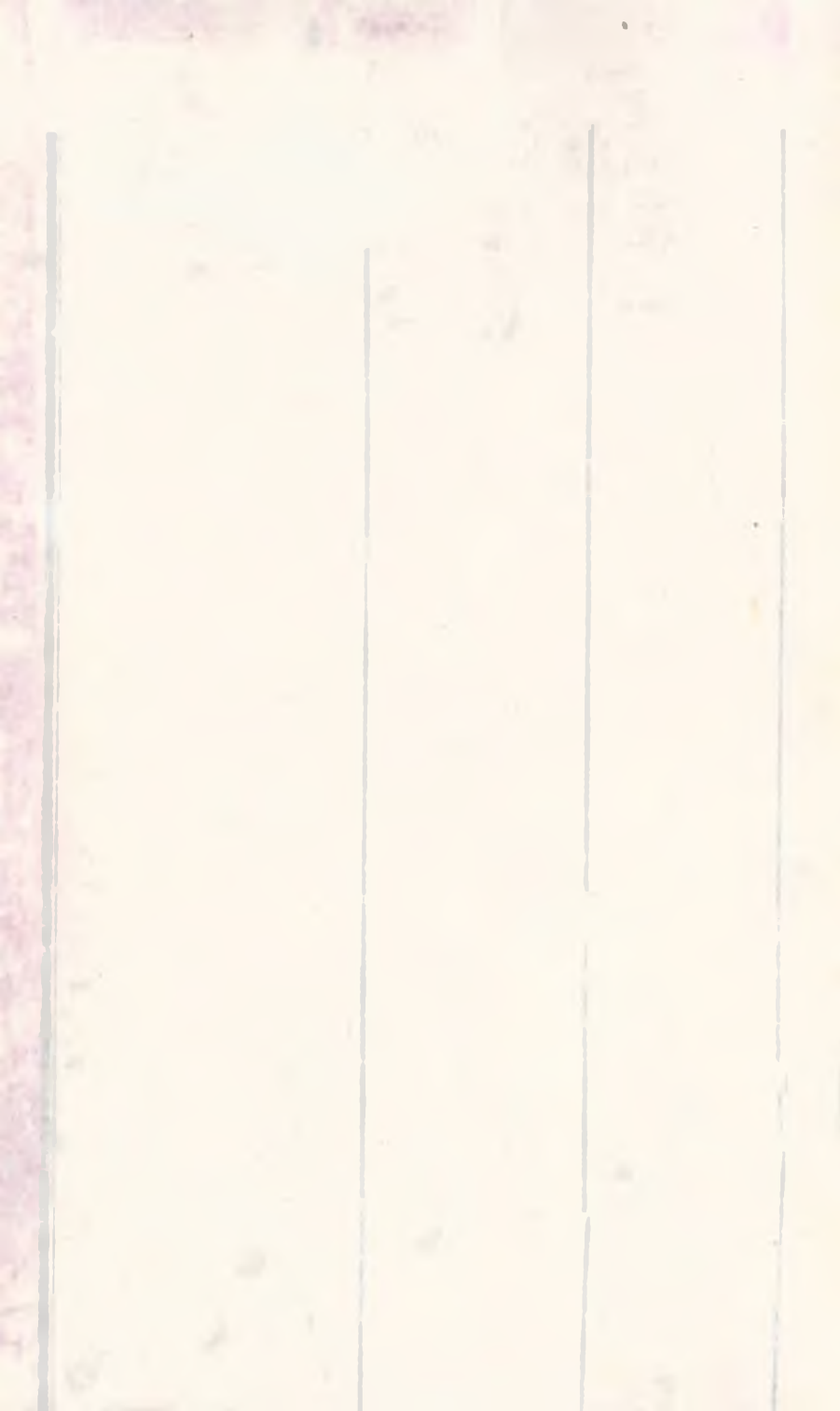
Кодда пружа

1870

1888

Кодда пружа

Кодда пружа

Biblioteka WSP Kielce

0263791